

Найяскравішою рисою творчої спадщини Толкіна, Льюїса, Вільямса можна вважати *синкретичність* мислення, яка виявляється у накладанні християнських міфів на язичницькі уявлення і, як наслідок, у творенні авторських міфологічних систем, а також можливість розглядати творчість «Інклінгів» як художній і літературно-критичний інтертекст.

Література:

1. Carpenter, H. *The Inklings* / H. Carpenter. – London : Allen and Unwin, 1978. – 290 p.
2. Lewis C. S. *Perelandra* / C. Lewis. – Pan Books, 1943. – 256 p.
3. Lewis, C. S. *The Four Loves* / C. Lewis. – A Harvest Book/Harcourt Brace&co, 1991. – 141 p.
4. Reilly R. J. *Romantic Religion: A Study of Barfield, Lewis, Williams, and Tolkien* / R. J. Reilly. – Athens, GA : U of Georgia P, 1972. – 579 p.
5. The C. S. Lewis Society // <http://www.lewissociety.org>
6. The J. R. R. Tolkien Society // <http://www.tolkiensociety.org>
7. Tolkien, J. R. R. *On Fairy-tales* / John Ronald Reuel Tolkien // Tree and Leaf. – London, 1988. – 53 p.
8. Tolkien J. R. R. *The Lord of the Rings. Part III* / John Ronald Reuel Tolkien. – Harper Collins, 1999. – 290 p.
9. Tolkien J. R. R. *The Monsters and the Critics and Other Essays* / John Ronald Reuel Tolkien. – 1986, 2006. – 198 p.
10. Williams Ch. *All Hallows' Eve* / Ch. Williams. – Faber, 1945. – 157 p.

The Oxford Circle of the Christian Romantics: Culturological Aspect and Creative Intentions

The article is dedicated to the investigation of the literary work of «The Inklings» – a circle of the scientists, literary critics, writers and philosophers of the middle of the XX century as well as the importance of their work in the general literary process of the English literature of the XX century. The main principles of the notion of «Romantic theology» formulated by them and their contribution into the treasury of British and world myth creation are taken into consideration.

Наталья Нестер (Полоцк)

МОТИВ БЫСТРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ В ЛИРИКЕ ЭЗРЫ ПАУНДА

Мотив быстротечности жизни является одним из основополагающих для творчества американского поэта Эзры Паунда (*Ezra Pound*, 1885–1972). В паундовских произведениях мотив быстротечности жизни варьируется в пределах различных тем: время, юность и старость, жизнь и смерть, красота и искусство и т.д. Для творчества Паунда характерно неоднозначное отношение к смерти: от негативного восприятия, если это имеет отношение к его возлюбленной, его друзьям, близким людям, до позитивного, если это касается его литературных противников и бездарных поэтов. Что касается тех понятий, которые, по мнению Э. Паунда, противостоят разрушительной силе времени, то в его произведениях постоянно повторяется неотступная мысль о том, что красота не имеет для него срока давности – это вечность, соотносящаяся в его стихотворениях с бесконечностью. Важно отметить, что в паундовских текстах собственное отношение поэта к мотиву быстротечности жизни дополняется отсылками к произведениям других авторов, к творчеству которых он обращается посредством переводов, аллюзий, маски и т. д.

В частности, древнегреческий философ Гераклит уподоблял мир реке и говорил, что все в мире преходяще и временно – «Все течет, все изменяется». В этом отношении он противостоял пифагорейцам, в мировоззрении которых была заложена идея вечного повторения. Гераклитовский мотив быстротечности жизни рефреном повторяется в паундовских стихотворениях и поэмах (*Hugh Selwyn Mauberley*, *Cantos*). Так, в поэме «Хью Селвин Моберли» Э. Паунд цитирует гераклитовское высказывание: *All things are a flowing / Sage*

Heraclitus says; / But a tawdry cheapness / Shall outlast our days¹ [8; 816]. Перефразируя гераклитовское высказывание на свой манер, поэт дает достаточно низкую оценку современным произведениям искусства.

Обращаясь к отдельным доктринам античной философии, Э. Паунд пытается объяснить собственное отношение к жизни и смерти. Так, в основе стихотворения «Плотин» (*Plotinus*) лежит главное положение философии Плотина – учение о Едином, первоначале всего сущего, находящемся выше него или «за пределами бытия». Представляя одиночество лирического героя, поэт стремится подчеркнуть необходимость этого состояния для постижения мира и самого себя. Познание мироздания равносильно преодолению страха перед ним, тем не менее, только познание позволяет избежать лирическому герою страха перед вечностью, с которой он сам себя соотносит:

But I was lonely as a lonely child.
I cried amid the void and heard no cry,
And then for utter loneliness, made I
New thoughts as crescent images of me.
And with them was my essence reconciled
Whole fear went forth from mine eternity² [8; 139].

Жизнь человека, по мнению Э. Паунда, регулируется богами подземного царства – Персефой и Плутоном. Так, в стихотворении «Молитва о жизни его госпожи» (*Prayer for His Lady's Life*), представляющем буквальный перевод элегии Проперция (II, XXVIIIc, 1–10), Персефона изображается властной богиней, распоряжающейся судьбами людей. Лирический герой обращается к богам Аида с мольбой повременить со смертью его возлюбленной: Here let thy clemency, Persephone, hold firm, / Do thou, Pluto, bring here no greater harshness³ [8; 394–395]. В стихотворении «Да здравствует Понтифик!» (*Salve o Pontifex!*) поэт противопоставляет юность и старость, предполагая сравнение юности с девой Прозефой, пребывающей на земле, а старости – с царицей Прозефой, властвующей в Аиде: That she being returned to her husband / Shall be queen and a maiden no longer⁴ [8; 152–153]. Прозефона является олицетворением жизни и смерти одновременно: Life and the ways of Death her / Twin born sister, being Life's counterpart⁵ [8; 148–149]. Таким образом, жизнь ассоциируется в стихотворении Э. Паунда с появлением Персефоны на земле, а смерть – с ее пребыванием в царстве Аида.

Обращаясь к образу Прометея в стихотворении «Прометей» (*Prometheus*), Э. Паунд подчеркивает значимость принесенного титаном на землю небесного огня и говорит о том, что дарованный людям огонь стал для них источником жизни и воплощением человеческой сущности. Однако не стоит забывать о том, что этот огонь божественного происхождения, и был принесен с неба, вследствие этого поэт предлагает не совсем обычную трактовку традиционного мифа: огонь не просто дает человеку все блага, он становится частью человека и после его смерти возносится вверх – туда, откуда был похищен Прометеем:

For we be the beaten wands
And the bearers of the flame.
Our selves have died lang syne, and we
Go ever upward as the sparks of light
Enkindling all
'Gainst whom our shadows fall⁶ [8; 140–141].

¹ Все изменяется / Мудрец Гераклит говорит, / Но безвкусная дешевизна / Переживет и наши дни.

² Я был как тот, что в детстве одинок, / Кричал, но был не слышен мне мой крик, / И в полном одиночестве постиг / Я всех произрастание начал; / Так самого себя я превозмог, / И страх из вечности моей бежал. – Пер. В. Микушевича.

³ Смилуйся, Персефона, постой, помедли, / И ты, Плутон, удержи свое свирепство. – Пер. О. Седаковой.

⁴ Что она, возвращенная супругу, / Будет царицей, и больше не девой.

⁵ Жизнь и смерть, / Сестры-близнецы, смерть – двойник жизни.

⁶ Мы трости ломкие, / Но в нас огонь. / Давно мы мертвые, но мы / Возносимся, мы, искры света, ввысь, / Чтоб с неба до земли / Всё наши тени, падая, зажгли. – Пер. В. Микушевича.

Поэт обращается к огню как стихии, движущей внутренним миром человека, позволяющей ему жить, чувствовать, творить. Э. Паунд надеется и верит, что его творчество озарено пламенем и тем самым проливает свет на остальные миры – материальные и духовные. Он сравнивает самого человека с огнем, который пылает у него внутри и стремится к солнцу, так как у человека один путь – от земли к небу.

Как известно, античный мотив быстротечности жизни выражается формулой из первого афоризма древнегреческого врача и естествоиспытателя Гиппократы *Ars longa, vita brevis (est)*¹. Для Э. Паунда вечным является не только искусство, но и красота, которая, будучи воплощенной в произведениях искусства, приобретает статус вечности, как в стихотворении «Прелюдия на Ognisanti» (*Prelude: over the Ognisanti*). Статусом вечности наделяются в паундовских произведениях города и географические реалии. Так, в стихотворении под названием «Нью Йорк» (*N. Y.*) поэт создает персонифицированный образ города, в котором проявляются характеристики возлюбленной девушки лирического героя: *And I will breathe into thee a soul, / And thou shall live for ever*² [8; 508–509]. В сонете «Рим» (*Rome*) в образе античной руины, пережившей бессмысленную ярость вандалов, воплощается метафора времени и судьбы. Развалины Рима – метафора определенного аспекта современности (катастрофы), в котором прошлое и настоящее, встречаясь в современности, отражают и истолковывают друг друга так же, как жизнь и искусство. «Одинокому Риму» (*Rome alone*) как воплощению материальной культуры противопоставит «одинокий Тибр» (*Tiber alone*), представленный вечностью – искусством, неподвластным времени. Тема бесконечности воплощается в традиционном образе времени-реки и модифицируется в Тибре: *Rome that alone hast conquered Rome the town, / Tiber alone, transient and seaward bent...*³ [8; 412–413]. Время как бы материализуется в городской архитектуре, и Рим представляется воплощением прошлого. Напротив, Тибр символизирует не какое-либо определенное время, а нечто принципиально противоположное – вечность. Построенный на века город подвержен разрушению во времени, только древний Тибр в силах обогнать «быстротечное время» (*swift time*) и избежать смерти.

В частности, художественное пространство стихотворения «К Т. Х. Амфора» (*To T. H. The Amphora*) ограничивается погребями Древнего Рима, в которых находится амфора с вином времени. В данном контексте амфора является олицетворением поэзии, и каждая капля вина в ней – капля вдохновения, которое черпает поэт. Отличительной чертой пространства, изображенного Э. Паундом, является его влияние на ход событий – прошлое обязательно воздействует на настоящее. Автор посвящает его своему другу Т. Хьюму и обращается к нему с просьбой:

Bring me this day some poet of the past,
Some unknown shape amid the wonder lords!
Yea of such wine as all time's store affords...⁴ [8; 226–227]

Так, особенность истории Рима позволяет поэту соотносить пространство города не с каким-либо определенным временем, а с временным континуумом в целом. Способность пространства Рима изменять время находит отражение именно в этом стихотворении. Можно говорить о наличии двух времен, точкой пересечения которых является амфора. Следовательно, в творчестве американского поэта элементы античного искусства трактуются как символы целостности человеческой истории и преемственности культурного опыта.

Э. Паунд придает огромное значение своему творчеству и считает, что именно творчество является источником для его существования. Созданные им произведения поэт сравнивает с бессмертным даром, как в стихотворении *Scriptor ignōtus*⁵, который он преподносит людям:

¹ Латинский перевод с греческого. Полностью фраза выглядит так: *Vita brevis, ars vero longa, occasio autem praeseps, experimentum periculōsum, iudicium difficile* – Жизнь коротка, искусство же продолжительно, случай мимолетен, опыт опасен, суждение затруднительно.

² Вдохну в тебя я душу, / И жить ты будешь вечно. – Пер. А. Парина.

³ Только Рим покорил город Рим, только Тибр быстротечный, стремящийся к морю...

⁴ Перенеси мне в наше время какого-нибудь поэта прошлого, / неясный образ среди господ чудес! / Да, из лучших вин в погребях истории...

⁵ Лат. Неизвестный писатель.

Dear, an this dream come true,
I, who being poet only,
Can give thee poor words only,
Add this one poor other tribute,
This thing men call immortality¹ [8; 104–105].

В паундовских произведениях прослеживается и противоположная мысль: созданные им тексты не только наделяют поэта бессмертием и сами становятся бессмертными, но и, даруя людям надежду, умирают всякий раз, когда их читают, как, например, в стихотворении «Молитва перед песней» (*Grace before song*):

Grant so my songs to this grey folk may be:
As drops that dream and gleam and falling catch
the sun
Evan'scent mirrors every opal one
Of such his splendor as their compass is,
So, bold My Songs, seek ye such death as this² [8; 60–61].

В стихотворении «Греческая эпитафия» (*Greek Epigram*), отражающем литературную программу Э. Паунда, поэт сравнивает художника с божеством и напоминает поэту, что лишь однажды отказавшись от своего призвания, он потеряет обретенное благодаря собственным произведениям бессмертие: So, when I weary of praising the dawn and the sunset, / Let me be no more counted among the immortals...³ [8; 218–219]. Продолжая тематику предыдущего произведения, в стихотворении *Silet*⁴ поэт наделяет бессмертием чернила и перо, атрибуты, причастные к созданию бессмертного произведения: When I behold how black, immortal ink / Drips from my deathless pen – ah, well-away!⁵ [8; 496–497]. В заглавии стихотворения *Famam Librosque cano*⁶ прослеживается аллюзия на первую строку «Энеиды» Вергилия *Arma, virumque cano*⁷, тем самым Э. Паунд концентрирует внимание на признании и посмертной славе поэта:

«Ah-eh! The strange rare name...
«Ah-eh! He must be rare if even I have not...»
And lost mid-page
Such age
As his pardons the habit,
He analyzes form and thought to see
How I' escaped immortality⁸ [8; 90–91].

В тематическом отношении стихотворение *Famam Librosque cano* приближается к оде Горация «К Мельпомене». Лирический герой не испытывает страха перед смертью, главное, что имеет для него смысл – это бессмертие, которое он обретет благодаря своим произведениям. Тем самым Э. Паунд продолжает варьировать тему, предложенную Горацием в оде «К Мельпомене» (III, 30), продолженную Проперцием (III, 1), Овидием (Метаморфозы, XV, 871–879) и др. «Памятник» Э. Паунда находит в стихотворении *Monumentum etc.* материальное воплощение, и, в отличие от «памятника» Горация, не подразумевает признания читателями созданных им произведений: You say that I take a good deal upon myself; / That I strut in the robes

¹ Когда мечте сей сбыться суждено, / Я, дорогая, – лишь поэт, могу / Тебе дарить лишь бедные слова, / Прими еще один убогий дар, / Который все бессмертием зовут. – Пер. Я. Пробштейна.

² Позволь моим песням стать для этих серых людей: / Теми каплями, что, мечтая, ловят солнце, сверкнув / в паденье, / В их зеркалах эфемерных опаловое струенье / Такого же блеска его, как их компас морской, – / Смелее же, Песни Мои, ищите смерти такой. – Пер. Я. Пробштейна.

³ Потому, когда устану воспевать восходы и закаты, / Не ищи меня ты больше среди бессмертных... – Пер. А. Прокопьева.

⁴ Лат. Он молчит.

⁵ Когда смотрю, как черные чернила / Бессмертно льются с вечного пера... – Пер. Я. Пробштейна.

⁶ Лат. Славу и книги пою.

⁷ Лат. Оружие и мужа пою.

⁸ «Ага, странное редкое имя... / Раритет, незнакомый даже мне...» / Вырывали страницы / Одну за другой, / Что же, век был такой, / И поймет аналитик в свой век, / Как в мой век я бессмертья избег. – Пер. В. Микушевича.

of assumption¹ [8; 636–637]. Как и римский поэт, Э. Паунд писал для эрудированных людей, игнорируя широкий круг читателей и отзываясь о нем презрительно, поэтому судьями своего творчества он предполагает людей, компетентных в поэзии.

Символичным является паундовское стихотворение «Декаданс» (*The decadence*), в котором неотступно повторяется мысль о том, что все проходит и изменяется, остается только искусство: And yet the art goes on, goes on; And yet the art, the *art* goes on; We see Art vivant, and exult to die² [8; 156–157]. Продолжая варьировать тему «Декаданса», в стихотворении «Во имя триумфа искусств» (*For the triumph of the arts*) Э. Паунд отстаивает мысль о том, что искусство должно заключать в себе истину и красоту: Triumph, and Triumph / for the arts fail not / While yet our blood / shall bid the arts withstay / Hate and the cold and wrath / wherewith the world would stay...³ [8; 590–591].

Немаловажным для лирического героя Э. Паунда является его независимость от времени, включающего в себя категории прошлого, настоящего и будущего. Время не ограничивается для него конкретными темпоральными рамками – это миг, мгновение, вечность, бесконечность. Так, в стихотворении «Гистрион» (*Histrion*)⁴ как нельзя лучше отражается принцип авторской маски Э. Паунда – возможность перевоплощаться не только в своих героев, но и их создателей, возможность выражать собственные мысли посредством собственных героев, скрываясь за их маской, возможность проживать жизни разных людей: So cease we from all being for the time, / And these, the Masters of the Soul, live on⁵ [8; 222–223].

В стихотворении «Гвидо приглашает так» (*Guido invites you thus*) отчетливо прослеживается мысль о том, что жизнь для лирического героя – это море, бурный поток эмоций, им испытываемый, сам он – корабль, непрестанно волнуемый чувствами по отношению к своей возлюбленной: Life, all for it, my sea, and all men's streams / Are fused in it as flames of an altar fire!⁶ [8; 294–295]. Так, в стихотворении «Сюжет для пьесы» (*For a play*) чувственные переживания лирического героя равнозначны самой смерти: его любовь столь велика, что требует от него полного подчинения, не позволяет ему продолжать жить, всецело испытывать изматывающие его страсти: Personality – amour / brings me to death⁷ [8; 580–581].

Для лирического героя Э. Паунда близким является эпикурейский принцип, воплощенный в горацанском выражении – *Carpe diem*⁸ (Оды: I, 9; I, 11). Так, в стихотворении «Пьяным голосом» (*For a beery voice*) лирический герой выражает мысль, что нет необходимости в том, чтобы «держаться» за жизнь, как за спасительный якорь, следует наслаждаться каждым ее мгновением, получать удовольствие от каждого момента:

Why should we worry about to-morrow,
When we may all be dead and gone?
Haro! Haro!
Ha-a-ah-ro!⁹ [8; 664–665].

В стихотворении «Песня в манере Хаусмена» (*Song in the manner of Housman*) лирический герой делает выводы по поводу цикличности и повторяемости периодов рождения и смерти человека. Без всякого сожаления он осознает и собственную смертность, поэтому призывает не бояться смерти:

¹ Ты говоришь, что я слишком много беру на себя, / Что я шествую важно в кичливом наряде. – Пер. Я. Пробштейна.

² Но все живет искусство, все живет; Искусство же, *искусство* все живет; Живет искусство, и нам мил конец. – Пер. Я. Пробштейна.

³ Триумф, триумф / искусств не минет нас, / Лишь наша кровь / их вторит правоте, / Когда грозит / Вся злоба мира красоте... – Пер. В. Микушевича.

⁴ Гистрион (лат.) – в средние века странствующий актер, являющийся одновременно певцом, музыкантом, гимнастом и т.д.

⁵ Мы лишь на время обретаем жизнь, / Навек дана Владыкам Душ она. – Пер. Евг. Витковского.

⁶ Жизнь – мое море; вся; людей потоки / Смешались в нем, как в жертвенном огне! – Пер. О. Седаковой.

⁷ Завлечет любовь – Amor / доведет меня до смерти. – Пер. Я. Пробштейна.

⁸ Лат. Лови день.

⁹ Что нам о грядущем печься, / Коли завтра все помрем? / Хо-хо, чарку! и споем! – Пер. Я. Пробштейна.

O woe, woe,
People are born and die,
We also shall be dead pretty soon
Therefore let us act as if we were
dead already¹ [8; 146–147].

Эпикурейский девиз находит также развитие в стихотворениях «Графине Bianzafior» (*To la Contessa Bianzafior*)² и «Сестина Изольде» (*Sestina for Ysolt*):

But most, thou Flower, whose eyes are like the stars,
With whom my dreams bide all the live-long day,
Within thy hands would I rest all my praise³ [8; 314–315].

Поэт выражает мысль, что творец вечной красоты, которая воплощается в творчестве конкретного художника, сам живет лишь в тот момент, когда занят созиданием этой самой красоты. Таким образом, для лирического героя Э. Паунда важным является «жить сегодняшним днем» и «ловить мгновение», так как красота для него равнозначна вдохновению, посредством которого художник призван творчески преобразить собственную природу.

Лирический герой не испытывает никакого страха перед преходящим временем, для него значимым является лишь осознание собственной сущности и значимости в этом мире. Посредством творчества душа лирического героя ждет высвобождения от тягот бренной жизни, от повседневности, как в стихотворении «Я жду» (*I wait*):

Being at peace with God and all his stars
Why should I quail the stings of nettle Time
Or fret the hour⁴ [8; 610–611].

Поиски свободы для души заставляют лирического героя находиться в постоянном стремлении обрести земной рай, который противопоставляется им раю небесному. Эдем на земле ассоциируется для него с городом Сирмия, расположенным на южном побережье озера Гарда⁵, и находит художественное воплощение в стихотворении *Blandula, tenulla, vagula*⁶:

What hast thou, O my soul, with paradise?
Will we not rather, when our freedom's won,
Get us to some clear place wherein the sun
Lets drift in on us through the olive leaves
A liquid glory?⁷ [8; 398–399].

По мнению лирического героя, острова блаженных находятся где-то на краю земли, за непроходимыми горами и непреодолимым океаном, а счастливая жизнь представляется ему отделенной от людей не временем, а пространством. Пребывание на островах блаженных связывается Э. Паундом с поэтическим вдохновением, даруемым живописными пейзажами Сирмиона и озера Гарда.

В стихотворении «Парацельс⁸ в вышних» (*Paracelsus in Excelsis*) проявляется свойственный Э. Паунду оптимистический взгляд на «очеловечивание» бессмертной души

¹ Увы, увы! / Рождаются и умирают люди, / И не сносить нам тоже головы, / А посему давайте жить мы будем, / Как будто умерли уже. – Пер. Я. Пробштейна.

² Данное стихотворение является переводом с провансальского (XIV в.)

³ Но ты, Цветок мой, чьи глаза, как звезды, / В чьей памяти вся жизнь моя, как день, / В твоих руках почиет хвала. – Пер. О. Седаковой.

⁴ В согласье с Богом, звездами его / Я Времени ожогов не боюсь, / Что мне часов укус? – Пер. Я. Пробштейна.

⁵ Озеро Лаго ди Гарда – крупнейшее из итальянских озер на границе Ломбардии, Венето и Альто Адидже, которое было переименовано в озеро Гарда императором Карлом в IX веке. Латинское название озера Гарда – Бенакус.

⁶ В этом произведении Э. Паунда содержится аллюзия на XXXI стихотворение Катулла, дом которого находился на полуострове Сирмион в Бенакском озере (ныне озеро Гарда).

⁷ И что тебе, душа, небесный рай? / Не лучше ли, обзаведясь свободой, / Отправиться куда-нибудь, где солнце / Цедило бы масличную листву / Живую славу? – Пер. О. Седаковой.

⁸ Парацельс Бомбастес (1493–1541) – знаменитый швейцарский алхимик. Стихотворение является ответом на стихотворение Р. Браунинга «Парацельс».

(подобная тенденция прослеживается в стихотворениях *The Flame, Blandula, tenulla, vagula*). Персонифицированный образ неискушенной души создается в стихотворении *Blandula, tenulla¹, vagula*, содержащем аллюзию на обращение перед смертью к своей душе римского императора Публия Элия Адриана (76–138 гг. н. э.): *Animūla vagūla blandūla / Hospes comesque corpōris / Quae nunc abigis in locā?*². Э. Паунд развивает тему императора Адриана противоположным образом – душа и после смерти предается земным утехам.

Так, в стихотворении *In tempore senectutis* (I)³ поэт призывает людей помнить о недолговечности своей жизни и стремиться обрести необходимые для души блага, так как юность и страсть даны смертным ненадолго: *For we are old / And the earth passion dyeth*⁴ [8; 92–93]. Поэт говорит о том, что все меняется: слабеет память, воспоминания о прежних днях уже не так яркие и отчетливы, однако вера в чудо не стареет в состарившихся возлюбленных, а это важнее всех происходящих с ними изменений. В продолжении одноименного стихотворения *In tempore senectutis* (II) лирический герой обращается к своей возлюбленной с просьбой – не предаваться воспоминаниям о чувствах прошлого, ведь они живы в них и по сей день: *How many wonders are less sweet / Than love I bear to thee / When I am old*⁵ [8; 178–179]. В стихотворении «В старости души» (*In the old age of the soul*) лирический герой, вспоминая о совершенных подвигах, говорит о том, что не хочет больше погружаться в мечты, он хочет действовать, однако состарившаяся одновременно с телом душа может только предаваться грезам, в то время как обессиленное тело мечтает о ратных деяниях. Он говорит о том, что:

So to my soul grown old –
Grown old with many a jousting, many a foray,
Grown old with many a hither-coming and hence-going –
Till now they send him dreams and no more deed⁶ [8; 266–267].

Э. Паунд пытается осмыслить факт неизбежности смерти и выразить собственное отношение к уходу из жизни того или иного человека. Так, в стихотворении «Посвящение Ю. Макк» (*For E. McC.*) поэт выражает отношение к смерти своего друга Юджина МакКартни, скорбит о его раннем уходе и невозможности противостоять неотразимому удару его соперника – Смерти:

Struck of the blade that no man parrieth
Pierced of the point that toucheth lastly all,
'Gainst that grey fencer, even Death,
Behold the shield! He shall not take thee all⁷ [8; 146–147].

К теме ухода из жизни своего друга поэт обращается также в одноименном стихотворении «Посвящение Ю. Макк» (*For E. McC.*): *Gone are the tang of earth / Gone are the loves of women / Sought out little graves, / Little desolate graves each one*⁸ [8; 606–607].

В стихотворении, посвященном Э. Б. Браунинг, Э. Паунд делает акцент на том, что именно тяжелая болезнь и ощущение близости смерти дали будущей поэтессе толчок, чтобы изложить собственные переживания на бумаге:

¹ Слова «tenulla» в латинском языке нет. Вероятно, это ошибка или мистификация Паунда – неологизм от слова «*tenuis, e*» (лат. «простой, незначительный»).

² Лат. Маленькая душа, блуждающая, ласковая, / Гостья, спутница тела, – / В какое место его уводишь. Первые четыре строки были поставлены эпиграфом к одной из глав книги У. Патера «*Speech for Psyche in the golden book of Apuleius*». Предсмертное стихотворение Адриана переводили А. Поуп и Байрон. Паунд воспользовался французским переводом Фонтенеля.

³ Лат. В пору старости.

⁴ Ибо мы стары, / И вечно умирает страсть земная. – Пер. Я. Пробштейна.

⁵ Скажу: «Чудесней в мире нет / Моей любви на склоне лет», / Когда состарюсь я. – Пер. Я. Пробштейна.

⁶ Так и моя душа, / Состарюсь в поединках, набегах, / Состарюсь в походах и переходах, – / Пусть ныне кормят ее мечтами, а не делами, –... Пер. Я. Пробштейна.

⁷ Для смертных сей удар неотразим, / В конце концов он каждого сразит, / Ведь Смерть была соперником твоим, / Но весь ты не умрешь – сие твой щит! – Пер. Я. Пробштейна.

⁸ Ушел – и стихли страсти жизни грубой,... / Туда, где женщины любви искали, / А находили холмики могил, / Заброшенные холмики печали. – Пер. Я. Пробштейна.

Poor wearied singer at the gates of death
Taking thy slender sweetness from the breath
Of the singers of old times¹ [8; 606–607].

В некотором смысле пророческом стихотворении «Для италийских медных» (*For Italic Brass*) Э. Паунд изображает остров Сан Микеле в Венеции, на котором расположено кладбище, где впоследствии будет похоронен сам поэт, называет его островом Смерти: *If 'tis Death's isle to North / Shall I not know*² [8; 616–617]. С этим произведением перекликается стихотворение «Приветствие третье» (*Salutation the third*), в котором поэт называет предположительное время своего ухода из жизни – тридцать лет: *Or perhaps I will die at thirty? / Perhaps you will have the pleasure of defiling my pauper's / grave*³ [8; 632–633]. Однако, как будто бросая вызов поэтам-соперникам и литературным критикам, говорит о том, что не доставит им удовольствия ранним уходом из жизни: *But I will not go mad to please you, / I will not flatter you with an early death*⁴ [8; 632–633]. Он не устанавливает конкретных хронологических рамок своей жизни, однако в его произведениях достаточно часто фигурирует цифра «тридцать». Тем не менее жизнью ему было отпущено почти втрое больше, он пережил многих своих друзей.

В стихотворении *Post mortem conspectu*⁵, написанном с использованием свойственной поэту вортицистской манеры письма, появляется образ младенца, вызывающий у лирической героини смех, который и является, по мнению поэта, концом всех вещей:

A brown, fat babe sitting in the lotus,
And you were glad and laughing
With a laughter not of this world.
It is good to splash in the water
And laughter is the end o all things⁶ [8; 642–643].

Итак, исследование мотива быстротечности жизни в лирике Э. Паунда позволяет сделать следующие выводы. На примере паундовских стихотворений можно проследить, что представление о человеческой жизни со времен античности почти не изменилось, так как поэтов объединяет одна цель – стремление познать жизнь такой, какой она существует в понимании всех людей. Кратковременность человеческой жизни заставляет задуматься о смысле жизни, о предназначении человека, поднимает философские проблемы бытия, которые способна отразить поэзия. Рождение и Смерть – два полюса, между которыми находится жизнь человека. Юность и Старость, Горе и Радость, как смену времен года, – все необходимо воспринимать как данность, ниспосланную человеку. Познание этой данности наполняет смыслом краткий миг, который по сравнению с Вечностью – ничто, – краткий миг человеческой жизни.

Литература:

1. Зверев А. Деревенский умник. К портрету Эзры Паунда / А. Зверев // Иностранная литература. – 1991. – № 2. – С. 208–229.
2. Зверев А. Эзра Паунд – литературная теория, поэзия, судьба / А. Зверев // Вопросы литературы. – 1970. – № 6. – С. 123–147.
3. Кэвана, К. Модернистское созидание традиции: О. Мандельштам, Т.С. Элиот, Э. Паунд / К. Кэвана // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. – СПб.: Петро-Риф, 1993. – С. 400–421.
4. Нестеров А. Я пытался написать рай... Эзра Паунд: в поисках европейской культуры / А. Нестеров // Литературное обозрение. – 1995. – № 6. – С. 56–63.

¹ Ворота смерти пред тобой узрев, / Ты, скорбная, переняла напев / У поэтов прошлых дней... – Пер. С. Александровского.

² На Севере ли остров / Смерти тот, / Но что меня там ждет... – Пер. Ю. Орлицкого.

³ А может, я умру в тридцать? / И вы с радостью оскверните могилу бедняка? – Пер. Я. Пробштейна.

⁴ Но я не сойду с ума, чтоб доставить вам удовольствие, / Не обрадуя вас ранней смертью... – Пер. Я. Пробштейна.

⁵ Лат. После лицезрения смерти.

⁶ Смуглый толстый младенец сидел в позе лотоса, / И ты радовалась и смеялась / Смехом не от мира сего. / Хорошо плескаться в воде, / А смех конец всех вещей. – Пер. Я. Пробштейна.

5. Паўнд Э. Аўдзеў, Б., Баярын, М., Хадановіч, А. Ён / Б. Аўдзеў, М. Баярын, А. Хадановіч // Крыніца. – 2000. – № 4–5. – С. 136–177.
6. Паунд Э. Избранные стихотворения / Э. Паунд. – СПб. : Нов. лит.; М. : МП Итларь (Carte Blanche), 1992. – 71 с.
7. Паунд Э. Путеводитель по культуре / Э. Паунд. – М. : Рус. феноменолог. общ., 1997. – 187 с.
8. Паунд Э. Стихотворения и избранные Cantos / Э. Паунд. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 887 с.
9. Элиот Т.С. Эзра Паунд: его стих и поэзия / Т.С. Элиот // Избранное. – М. : РОССПЭН, 2004. – Т. I–II: Религия, культура, литература. – С. 442–469.

The Motif of Life's Fleetingness in Ezra Pound's Lyrics

The peculiarities of the artistic interpretation of the motives of life's fleetingness in Ezra Pound's lyrics are dealt with in the article. The conceptions and the principles of these motives are considered. Their aesthetic functions in Ezra Pound's lyrics (including elements of philosophic systems, genres of antique literature, citations, and mythological images) are being defined.

Александр Никифоров (Полоцк)

«РЕПЕТИЦИИ СМЕРТИ» В СТИХОТВОРЕНИЯХ «БЛЮЗ БЕЖЕНЦЕВ» У. Х. ОДЕНА И «БЕЖЕНЦЫ» Р. ДЖАРРЕЛЛА (К ВОПРОСУ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ БЕЖЕНЦЕВ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ)

*В настоящей трагедии гибнет хор,
а не только герой.*

И. Бродский

Беженцы второй мировой войны стали основной темой «поэзии холокоста». Стихотворения, относящиеся к этому виду литературы о войне, можно встретить в поэзии каждой национальной литературы Европы¹. В свою очередь, не обошли эту тематику стороной и американские поэты Рэндалл Джаррелл и получивший к началу войны американское гражданство Уистан Хью Оден. В своих стихотворениях «Беженцы» («The Refugees») [3; 28] и «Блюз беженцев» («Refugee Blues») [1] Джаррелл и Оден описывают первый этап² приведения в жизнь замысла Гитлера уничтожить евреев как нацию. Осмысление предощущения смерти, предвараемой гонениями, можно охарактеризовать емкой – в данном контексте – метафорой Джаррелла «репетиция смерти» («death's rehearsal»), которая тематически и стилистически объединяет два анализируемых стихотворения.

Связующими компонентами в фактуре обоих текстов являются различного рода повторы (синтаксические, повторы слов с изменением оттенков смысла, развивающаяся образность и т. д.). В частности, «Блюз беженцев» построен по принципу этого музыкального жанра: вариации на одну и ту же тему в итоге реализуются сильной концовкой; в стихотворении «Беженцы» девять вопросов (на 23 строки) повествующего разрешаются немим вопросом самих беженцев.

¹ Исследования по данной теме приведены как в самой статье Ривки Поллак «Poetry in Response to the Holocaust» [4], так и в библиографии к ней.

² Осмыслению второго этапа (непосредственному уничтожению) посвящены стихотворения «Лагерь в прусском лесу» («A Camp in the Prussian Forest») и «В лагере был один выживший» («In the Camp There Was One Alive») Рэндалла Джаррелла.